

IV. ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» — II ИНТЕРНАЦИОНАЛ. — МЕНЬШЕВИЗМ

«Эпоха буржуазно-демократической революции породила новую борьбу течений среди социал-демократии, которая была прямым продолжением предыдущей... Приспособление борьбы рабочего класса к либерализму — в этом была суть меньшевизма».

Ленин. «Социализм и война», т. XVІІІ, стр. 219.

1. Углубление оппортунизма Группы «Освобождение труда» под влиянием германской социал-демократии

С начала 90-х годов Группа «О. т.» подпадает под непосредственное идеологическое и политическое влияние западно-европейской социал-демократии, главным образом германской, игравшей ведущую роль во вновь возникшем II Интернационале. Политика и тактика последней, построенные на совершенно иной социально-политической базе, — на базе закончившейся буржуазной революции, на базе «мирного» парламентаризма, — переносятся Группой «О. т.», без учета конкретных условий, на русскую почву и предлагается российскому пролетариату, начинавшему борьбу в полуфеодальной монархии и стоявшему перед буржуазно-демократической революцией. Под флагом международного единства пролетариата стираются различия классовой структуры и классовых отношений буржуазного Запада и полуфеодальной России: получается полная нивелировка «в международном масштабе». Стонавшее под гнетом сохранившихся феодальных отношений крестьянство, от которого зависел тот или иной исход буржуазно-демократической революции в России, сбрасывается со счетов революционных сил и преподносится по западно-европейской «схеме», как «хозяева», как «мелкобуржуазная масса», враждебная интересам пролетариата. Под влиянием германской социал-демократии ход русской революции деятели Группы «О. т.» представляли себе по «прусскому типу». Революция в России может быть совершена силами пролетариата и буржуазии, «одинаково» заинтересованных в свержении само-

державия; результатами этой революции будет создание «свободных» политических условий, которые обеспечат пролетариату возможность вести «мирную» парламентскую борьбу за социализм.

Чтобы понять происхождение этой «схемы» русской революции, достаточно бросить беглый взгляд на состояние германской социал-демократии и на связь с последней Группы «О. т.».

В конце 80-х годов на смену блестящей революционной эпохе I Интернационала, эпохе Маркса—Энгельса, эпохе, закончившейся поражением Парижской коммуны, — пришла новая эпоха, эпоха социал-демократии. В области мирового народного хозяйства наступила эра «мирного» капиталистического развития, сопровождавшаяся бурным ростом промышленности, концентрацией капитала и увеличением кадров пролетариата. В международном рабочем движении задачи непосредственной социальной революции сменились задачами постепенного накопления сил пролетариата. Решение этих задач, поставленных в общем правильно, соответственно изменившейся мировой обстановке, получило, однако, в соц.-демократических партиях этого «мирного» периода совсем не революционное направление с сильным уклоном в социал-реформизм. Пролетарская революция и диктатура пролетариата — задачи, поставленные Марксом перед социалистическими партиями — были отодвинуты на задний план, а то и совсем отброшены. В лучшем случае эти основные принципы революционного марксизма остались украшением в литературных упражнениях официальных теоретиков, имевших мало влияния на политическое направление социал-демократических партий, — как это было в Германии. На деле немецкие соц.-демократы (а они считались самыми «революционными» среди международной социал-демократии) уже в то время ставили ставку на мирное «завоевание» политической власти путем парламентских мандатов. Преобладающее получила «идея» постепенного вращивания социализма в буржуазное демократическое государство. Даже такой «ортодокс», как В. Либкнехт, занимавший руководящее положение в германской социал-демократии, на съезде германской социал-дем. в Галле (1890), не упоминая ни словом о диктатуре пролетариата, так определял путь к социализму: «Современное государство вращивается в будущее государство точно так же, как будущее государство уже находится в современном государстве». Но еще за 15 лет до произнесения этих слов эта реформистская «установка» получила законченное выражение в Готской программе, подвергшейся беспощадному теоретическому разгрому со стороны Маркса. Известно, что «Критика Готской программы» Маркса, написанная в 1875 г. по поводу составленного проекта программы, имевшей целью объединить лассальянцев и эйзенахцев, и вскрывшая всю оппортунистическую и политическую путаницу германских социал-демократов, долго скрывалась от партии, — даже от таких вождей, как Бебель, — и была напечатана

Каутским в «Neue Zeit» по настойчивому требованию Энгельса лишь в 1891 г. У ставших на путь оппортунизма и реформизма германских с.-д. были все основания скрыть этот исторический документ, ибо он бил не в бровь, а в глаз «тузам» (по выражению Энгельса) германской социал-демократии. В письме к А. Бебелю (28 марта 1875 г.) Энгельс пишет по вопросу о государстве: «Свободное народное государство превратилось в свободное государство. По грамматическому смыслу этих слов, свободное государство есть такое, в котором государство свободно по отношению к своим гражданам, т. е. государство с деспотическим правительством. Следовало бы бросить всю эту болтовню о государстве, особенно после Коммуны, которая не была уже государством в собственном смысле. «Народным государством» анархисты кололи нам глаза более, чем достаточно, хотя уже сочинение Маркса против Прудона, а затем «Коммунистический манифест» говорят прямо, что с введением социалистического общественного строя государство само собою распускается и исчезает. Так как государство есть преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще нуждается в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать» (К. Маркс. «К. Г. п.», изд. 1932 г., Партиздат, стр. 55—56).

И уже в то время путь, намеченный германской социал-дем., настолько расходился с основными революционными принципами Маркса—Энгельса, что в том же письме Энгельс сообщает А. Бебелю: «Программа эта такова, что в случае, если она будет принята, Маркс и я ни за что не согласились бы примкнуть к основанной на таком фундаменте новой партии и должны были бы серьезно задуматься над вопросом, какую позицию (также и публично) занять по отношению к ней» («К. Г. п.», стр. 57).

В дальнейшем, как известно, германская социал-дем., а вслед за ней и весь II Интернационал, продолжала идти по пути углубления занятой ею со времени «Готской программы» позиции — пути социал-реформизма, политического приспособленчества и отказа от революционных принципов Маркса. Идея вращивания социализма в буржуазное государство пустила настолько глубокие корни, что после опубликования «Критики Готской программы» социал-демократическая фракция рейхстага, в лице депутата Грилленберга, заявила с трибуны, что партия отклонила взгляды и указания Маркса, в особенности его идею диктатуры пролетариата, и никогда их не разделяла, а центральный орган германской с.-д. партии «Форвертс» официально заявил, что опубликование «Критики» произошло без ведома центрального комитета, который никогда не дал бы на это своего согласия, и Бебель от себя

лично присоединился к этому заявлению. В «Эрфуртской программе», принятой вместо Готской в 1892 г. на съезде в Эрфурте, вопреки настойчивому требованию Энгельса, вопрос о диктатуре пролетариата вовсе обойден молчанием, а в числе переходных требований требование демократической республики отсутствует. Следует считать установленным, что германская соц.-дем. со времени ее слияния с лассальянцами на основе «Готской программы» шаг за шагом отходила от революционного марксизма. После опубликования богатейшего документального материала следует отрешиться окончательно от старых представлений, что на первых своих этапах вожди германской соц.-дем. будто бы были последовательно-революционными марксистами, действовавшими по прямым указаниям Маркса и Энгельса. Мы теперь доподлинно знаем, что по ряду важнейших принципиальных вопросов вожди германской социал-демократии занимали оппортунистические позиции, вопреку Марксу и Энгельсу, в борьбе с ними. В письме к В. Бракке (5 мая 1875 г.) Маркс так мотивирует необходимость отмежеваться от «Готской программы»: «Я имею в виду краткое заявление, которое Энгельс и я опубликуем после объединительного съезда: мы заявим, что мы совершенно непричастны к указанной принципиальной программе и не имеем с ней ничего общего.

«Это необходимо, так как за границей распространен тщательно поддерживаемый врагами партии взгляд, — взгляд совершенно ложный, — будто мы тайно руководим отсюда движением так называемой Эйзенахской партии. Еще в своей недавно вышедшей русской брошюре Бакунин возлагает, например, на меня ответственность не только за все программы и т. д. названной партии, но и за каждый шаг, сделанный Либкнехтом со дня его сотрудничества с народной партией» («К. Г. п.», 61). Об этом же пишет Энгельс А. Бебелю (28/III 1875 г.): «На нас возлагается ответственность за каждое необдуманное слово, сказанное или написанное Либкнехтом со времени основания «Демократичес Вохенблат». Люди воображают, что мы командуем отсюда всем движением, тогда как вы знаете не хуже меня, что мы почти никогда не вмешивались ни в малейшей мере во внутренние дела партии, и если и вмешивались, то только для того, чтобы по возможности исправить допущенные на наш взгляд ошибки, да и то лишь теоретические» («К. Г. п.», 58).

Нет надобности в подробностях останавливаться на истории германской с.-д. Мы достаточно хорошо знакомы с ее позорным концом, с ее прямым предательством пролетариата, начиная с империалистической войны.

Это прямое предательство не было случайностью. Оно определялось всем ходом развития германской с.-д., со ступеньки на ступеньку скатывавшейся в лагерь классовых врагов пролетариата. И если на страницах германской с.-д. печати «теоретики» оперировали марксистской фразеологией, то это входило

в их функции — скрывать под покровом революционной фразеологии оппортунизм и соглашательство партии в ее практической деятельности. Такое разделение труда уже тогда было необходимо для укрепления влияния в пролетарских массах. Это обстоятельство побуждало «вождей» принимать на съездах по внешности революционные резолюции против выступлений открытых оппортунистов, пытавшихся положить конец противоречию между революционной фразеологией и оппортунистической практикой, подвести теоретическую базу под политический оппортунизм германских с.-д. Таково выступление на Эрфуртском съезде открытого оппортуниста Фольмара, предлагавшего отложиться в «долгий ящик» «конечную цель», т. е. социализм, и заняться сделками с буржуазией для постепенного улучшения положения рабочего класса; такова знаменитая «бернштейниада», провозгласившая лозунг: «движение — все, конечная цель — ничто». Против выступлений открытого оппортунизма были двинуты все серьезные теоретические силы германской с.-д. с Каутским во главе. Тогда казалось, что Каутский стал на защиту революционного марксизма против тех, кто хочет во имя «сегодняшнего дня» отказаться от революционных путей. Но не так обстояло дело в действительности. Для германской с.-д. в условиях того времени открытый оппортунизм представлял большие опасности, грозя оттолкнуть от партии широкие рабочие массы, в которых жив был революционный дух. Кроме того, в те времена германская буржуазия, чьи интересы прекрасно защищались готенцоллернской монархией, не собиралась разделять власть с с.-д. В силу этого германская соц.-дем. в тот период была партией крайней оппозиции. В довоенный период германская с.-д. сохраняла видимость революционности, чтобы проводить на деле оппортунистическую политику. Поэтому и всякие попытки со стороны «смельчаков» сделать явной эту оппортунистическую политику встречали такой жестокий отпор со стороны «ортодоксальных» вождей. Разумеется, в рядах германской с.-д. находились и революционные марксисты, но они были в оппозиции к партийному руководству, сосредоточенному в руках «центристов» (скрытых оппортунистов).

Вернемся, однако, к Группе «О. т.» Пришлось сделать такое длинное отступление и остановиться на германской с.-д. потому, что Группа «О. т.» возникла и действовала в эпоху «расцвета» германской с.-д., под сильным влиянием которой она находилась. Это влияние сказалось уже в «Социализме и политической борьбе», в которой, наряду с революционными основами Маркса—Энгельса, мы находим много предрассудков, явно заимствованных из «Готской программы». Так, например, «прямое народное законодательство» Плеханов считает специфически пролетарской формой государственного правления.

«Между тем как представительная (монархическая или республиканская) система была детищем буржуазии, пролетариат тре-

бует прямого народного законодательства, как единственной политической формы, при которой возможно осуществление социальных стремлений. Это требование рабочего класса занимает одно из первых мест в программе социальной демократии всех стран и стоит в самой тесной связи со всеми остальными пунктами ее программы» (Плеханов, т. II, стр. 55).

Это «требование» внесено в первый и второй проект программы Группы «О. т.». Чтобы понять заблуждение, в которое впадает Плеханов в этом вопросе, сопоставим мнение Энгельса, высказанное им в уже цитированном письме к А. Бебелю по поводу «Готской программы».

... «В программе фигурирует куча довольно туманных, чисто демократических (подчеркнуто Энгельсом) требований, при чем некоторые из них попросту предмет моды, вроде, например, «прямого народного законодательства», которое существует в Швейцарии и приносит там больше вреда, чем пользы, если вообще что-нибудь приносит» (К. Маркс. «Кр. Г. п.». Изд. ИМЭЛ, 1932 г., стр. 55).

Еще более энергично выражается Маркс, называя «прямое законодательство» «старой демократической дребеденью».

Такое же «заимствование» из «Готской программы» относится и к фигурирующему в первом и втором проекте программы Группы «О. т.» лассальянскому «требованию» «государственной помощи производительным ассоциациям».

Насколько это «требование» «революционно», можно судить из слов Маркса в «Критике Готской программы»: «Социалистическая организация совокупного труда «возникает» не из процесса революционного преобразования общества, а из помощи государства», — оказываемой производительным товариществам, которые «призваны к жизни» им (курсив Маркса), а не рабочими. Это вполне достойно лассалевской фантазии, будто с помощью государственной субсидии так же легко можно построить новое общество, как и новую железную дорогу!» (К. Маркс. «К. Г. п.», стр. 40)¹.

Влияние германской с.-д. на этом не остановилось. В дальнейшем основатели Группы «О. т.» лично сближаются с лидерами и теоретиками германской с.-д. и делают их верными оруженосцами. Плеханов и Аксельрод становятся «европейскими» социал-демократами и в европейской социалистической печати, и на конгрессах II Интернационала охраняют и защищают позиции германской с.-д. Плеханов делается близким, доверенным лицом в германской с.-д., ему поручается написать для германской с.-д. печати ряд ответственных статей. Трудно привести для характеристики Плеханова, подпавшего под влияние германской с.-д., более яркую статью, чем «Сила и насилие», написанную им в 1894 г.

¹ Слова, взятые в тексте Маркса в кавычки, представляют выдержку из Готской программы.

для центрального органа германской с.-д. «Форвертс» по поручению В. Либкнехта. Дело в том, что в это время германская социал-демократия подвергалась нападкам со стороны анархистов и «левых» социал-демократов за ее легализм и умеренность. Практическая деятельность германской с.-д. давала к этому достаточно оснований. Необходимо было теоретически обосновать эту умеренность. Эту «почетную» роль вожди германской с.-д. возложили на Плеханова.

Как же Плеханов выполнил этот «социальный заказ»? С искусством виртуоза. Под словесным революционным покровом он оправдал политику социал-реформизма.

Плеханов исходит из посылки, что «наиболее революционно то средство, которое быстрее других приближает нас к нашей цели, к революции». Отсюда он делает следующие выводы:

1) «Возможны также самые революционные действия без всякого отдаленного сходства с восстанием, с насильственным действием».

2) «Восстание и насильственные действия всегда являются антиреволюционными, когда они вместо того, чтоб приблизить нас к нашей цели, отдаляют нас от нее» (Плеханов, т. IV, стр. 251).

Против этих выраженных в чрезвычайно общей форме рассуждений ничего нельзя возразить. Но дело в том, что ничего не стоит на основе этих правильных общих посылок творить оппортунистическую политику. Для этого нужно только всякое «насильственное действие» объявить отдаляющим нас «от нашей цели», т. е. антиреволюционным (что и делали впоследствии Плеханов и меньшевики в революциях в 1905 и 1917 гг., — припомним его знаменитое: «не надо было братья за оружие»).

Плеханов так и делает. Он отодвигает на последний план вопрос о «революционном насилии», т. е. о пролетарской революции, как не имеющем «практического значения», сводя его к анархистскому индивидуальному террору и «бунтарству». Он все свое внимание сосредоточивает на защите первого положения — на «революционных действиях без всякого отдаленного сходства с восстанием». Каковы же эти «революционные действия»?

«Положить пределы капиталистической эксплуатации при помощи фабричного законодательства, дать восторжествовать в этих пределах политической экономии наемного труда над политической экономией капитала, — это значит изменить в духе революции экономические отношения страны. Всякая деятельность, преследующая эту цель, есть революционная деятельность, независимо от того, какие формы она примет: будет ли она добиваться этой цели насильственными средствами, или же мирной агитацией» (Плеханов, т. IV, стр. 253—254).

Нетрудно убедиться, что Плеханов под флагом революционной фразеологии дает теорию социал-реформизма. Больше того, он в сущности подводит под революционное движение самые оппортунистические течения в международном рабочем движении, —

как английский трэд-юнионизм и французский поппулизм («независимо от формы»). Quod est demonstrandum¹. «Социальный заказ» выполнен. «При современном положении цивилизованных стран в интересах самого пролетариата не увлекаться насильственными действиями». Это — реальная вещь. А вот и «утешение для души»: «но даже, когда мы отвергаем насильственный образ действий, мы не перестаем развивать революционную силу пролетариата и готовить его будущие победы» (Плеханов, т. IV, стр. 258).

Нельзя отказать Плеханову в том, что он тонко уловил оппортунистические тенденции германской с.-д. и с большим искусством их прикрыл революционной фразой. Эти тенденции, воспринятые им от германской с.-д., привели его впоследствии к меньшевизму, к предательству интересов рабочего класса и измене пролетарской революции: он разделил участь всего II Интернационала. Прав Плеханов, когда в предисловии к русскому изданию брошюры «Сила и насилие», вышедшей после первой революции, пишет: «Прочтите эту брошюру, и вы увидите, что когда я писал ее, — а это было, как я уже сказал, еще весной 1894 г., — я смотрел на социал-демократическую тактику совершенно так, — до мелочей так, — как я смотрю на нее в настоящее время» (Плеханов, т. IV, стр. 250).

Истоки меньшевизма, как правильно утверждает Плеханов, следует искать в литературной деятельности Группы «О. т.», развивавшейся под идеологическим влиянием послемарксовской германской с.-д.

Полную солидарность с германской с.-д. Плеханов обнаруживал и на конгрессах II Интернационала. Если на первом Парижском конгрессе (1889 г.) Плеханов выступал как новичок, который провозгласил от имени молодой русской с.-д., что «революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих»; если на II Брюссельском конгрессе (1891 г.) он присутствует как скромный гость, — то на III Цюрихском конгрессе (1893 г.) Плеханов выступает как докладчик по вопросу о войне. Какую же позицию занимают в лице Плеханова русские соц.-дем.? На конгрессе боролись две резолюции — голландской делегации, от имени которой выступал Домела Ньювенгейс, и резолюция немецкой делегации. В своем докладе Плеханов заявляет: «Действительно революционной является только немецкая резолюция. Немецкая резолюция должна быть принята в интересах свободы, цивилизации и революционного пролетариата». Что же это за «революционная резолюция»? По своей словесной структуре она действительно революционна, но это не резолюция активной революционной партии пролетариата, а скорее тезис для пропагандистского кружка. Резолюция не дает никаких указаний, что же конкретно делать с.-д.

¹ Что и требовалось доказать.

для предотвращения войны, а в случае ее возникновения, как ее использовать в целях социалистической революции. Вместо этого она ограничивается отвлеченным предложением с.-д. партия «работать над сокрушением капитализма» и повторением марксистского тезиса, что «вместе с уничтожением господства классов исчезает война». Столь же общий характер носит и приглашение международной с.-д. «восстать всеми находящимися в ее власти силами против шовинистических appetitов господствующих классов», «теснее соединять узлами солидарности рабочих всех стран». Это было в сущности беспомощное повторение принятой за два года до того резолюции Брюссельского конгресса, который, уклонившись от рекомендаций каких-либо действий на случай объявления войны, «возлагает на господствующие классы всю ответственность за нее (т. е. войну. — С. Ч.) перед историей и перед человечеством».

Естественно, такая резолюция не могла удовлетворить революционные элементы международного социализма, которых мучил вопрос, какие же действия должна предпринять с.-д. партия в случае объявления войны. Под давлением этих революционных настроений Домела Ньювенгейс, глава голландской делегации, внес резолюцию, предлагавшую на объявление войны ответить всеобщей забастовкой и отказом от военной службы.

Разумеется, эта анархическая путаная резолюция не являлась революционным разрешением вопроса. Последнее требовало не отказа от военной службы, а использования оружия для превращения войны в исходный пункт пролетарской революции. Простой отказ от военной службы по сути дела вел к тактике скрещенных рук, пассивного сопротивления. Но это все же была постановка вопроса о *действии*. Революционная критика голландской резолюции могла быть построена на признании ее недостаточности, на ее половинчатости. Но резолюция была отвергнута из желания избегнуть «бесполезного кровопролития». На деле, однако, это обозначало, что большинство конгресса отказалось от всякой мысли идти по пути пролетарской революции. Несмотря на всю половинчатость голландского предложения, положительная сторона резолюции состояла в том, что борьбу с военной опасностью она ставила на путь антимилитаристской агитации и пропаганды, на путь массовой работы в рядах пролетариата и армии. Но такой путь был вовсе неприемлем для большинства партий II Интернационала, прочно ставших на позиции парламентского реформизма. Теперь, после опыта империалистической войны и после военной «работы» с.-д., можно на эту тему не распространяться.

Русская соц.-дем. в лице Плеханова горячо защищала «немецкий» проект резолюции и не менее горячо ополчилась на «анархический» проект голландцев. Сделано это было с присущим ему блеском: и марксистская фраза была сохранена, и интересы германского с.-д. оппортунизма и социал-реформизма были соблю-

дены. Обойден был только основной, самый важный вопрос, — как действовать с.-д. до и во время войны.

Выступление Плеханова на Цюрихском конгрессе не оставляет сомнений, что он, а вместе с ним и вся Группа «О. т.» (надо иметь в виду, что Плеханов был самый «левый» среди членов Группы), к середине 90-х годов воспринял оппортунистические тенденции германской соц.-дем., руководящей партии II Интернационала. Эти оппортунистические тенденции он под видом революционного марксизма контрабандой протаскивает в русскую соц.-дем. литературу, прославляя мудрость партий II Интернационала, ведущих тихую, мирную политику, пользующихся всеми благами «демократии», увеличивающих число своих мандатов в парламенте, обнаруживающих рост своих организаций (см. его «Обзоры» рабочего движения в сборниках «Соц.-дем.»). Об одном он только умалчивает — об отказе германской с.-д. от основных революционных принципов Маркса. Так, об «Эрфуртской программе», исключившей марксистскую идею диктатуры пролетариата и отказавшейся даже от требования демократической республики, Плеханов отзывается так: «На Эрфуртском конгрессе принята была новая редакция программы партии. Теперь это совершенно марксистская программа, не заключающая в себе никаких остатков лассальянства» (Плеханов, т. IV, стр. 117 — «Рабочее движение в 1891 г.», «Соц.-дем.», книга 4 за 1892 г.). И так, по Плеханову, подпавшему под полное влияние германской с.-д., партийная программа без диктатуры пролетариата — это «совершенно марксистская программа». О факте отсутствия в «совершенно марксистской программе» этого основного принципа Маркса Плеханов даже не упоминает. Перед русскими с.-д. Плеханов скрывает факты отступления германской с.-д. от революционных принципов Маркса, но зато прославляет ее парламентские успехи. Такая «тактика» Плеханова была причиной того, что долгое время в глазах русских соц.-дем. германская соц.-дем. была воплощением революционного марксизма.

2. Перерастание оппортунизма Группы «Освобождение труда» в меньшевизм

Было бы полбеды, если бы русские соц.-дем. были дезориентированы Плехановым в вопросах только международного рабочего движения. Но «духом» германской соц.-дем. проникнуто и освещение вопросов русского революционного движения. «Западничество» Плеханова, его «конституционализм», заигрывание с буржуазией, отношение к крестьянству, как к «тупой», реакционной массе, — на чем мы подробно останавливались выше, — на всем этом лежит печать оппортунистического влияния германской соц.-дем. И совсем не случайны его «ошибки» при выработке проекта партийной программы в эпоху «Искры». В самой структуре плехановского проекта программы, в туманных фор-

мулировках сказывается влияние его германских учителей, манера, заимствованная у «опытных» немецких с.-д., — говорить обо всем в научном стиле, не сказав *самого главного*, что требуется для *революционного действия* партии. Намек на «немецкое» влияние содержится в яркой характеристике, данной Лениным плехановскому проекту программы: «По способу формулировки важнейшего отдела, относящегося к характеристике капитализма, этот проект дает не программу пролетариата, *борющегося* против весьма реальных проявлений весьма определенного капитализма, а программу экономического учебника, посвященного капитализму вообще.

«В особенности непригодна программа для партии *русского* пролетариата, потому что эволюция русского капитализма, порождаемые русским капитализмом противоречия и общественные бедствия почти совершенно обойдены и затемнены благодаря той же системе характеризовать капитализм вообще. Партия русского пролетариата должна в своей программе самым недвусмысленным образом изложить обвинения ею русского капитализма, объявление ею войны русскому капитализму... Проект не достигает поэтому одной из главных целей программы: дать партии директиву для ее повседневной пропаганды и агитации по поводу всех разнообразных проявлений русского капитализма...

«Эволюция сельскохозяйственного капитализма не то затемнена, не то вовсе обойдена. Затем, место «диктатуры пролетариата» заняла «революция, которую предстоит совершить пролетариату, поддержанному другими слоями населения, страдающего от капиталистической эксплуатации», и даже вместо классовой борьбы пролетариата поставлена «борьба трудящейся и эксплуатируемой массы» (Ленинский сборник, II, стр. 88—89).

Плеханов был человек больших теоретических знаний, и его никак нельзя было заподозрить в том, что эти туманные формулировки — результат его недостаточного знакомства с марксистской теорией. Эти «ошибки» были «установочного» характера, — они были прямым продолжением позиции, занятой Группой «О. т.» с первых лет ее существования. Русская революция, по представлению Группы «О. т.», должна была привести к «политической свободе», к парламентаризму в западно-европейском смысле и открыть путь для деятельности с.-д. на парламентской почве. *Идеалом* Группы «О. т.» была германская с.-д. с ее парламентской фракцией, с ее «свободной» печатью, с свободой собраний, союзов и пр. И все то, что выходило за эти пределы, все то, что касалось «конечной цели», принимало у деятелей Группы «О. т.» туманные очертания, не имело «практического значения». В этой концепции, разумеется, не могла найти места идея перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Позднейший ход событий показал, что именно Группа «О. т.» послужила тем *ядром*, вокруг которого сгруппировались все оп-

портунистические элементы русской соц.-дем. На II съезде партии вокруг Группы «О. т.» произошло *организационное оформление меньшевизма*, этой российской разновидности международного социал-реформизма. Оппортунистические тенденции Группы «О. т.» достигли своего законченного развития в *меньшевизме*, составив его основную канву.

Эту историческую связь нетрудно установить, если мы вспомним позицию меньшевистской «Новой искры» по ряду политических и тактических вопросов.

Как и Группа «О. т.», меньшевики и до и во время первой революции видели на исторической арене в России только два революционных класса: пролетариат и буржуазию. Задачу социал-демократии и руководимого ею пролетариата меньшевики видели не в организации последнего вокруг *самостоятельных* его классовых задач, вокруг политической и технической подготовки его к буржуазно-демократической революции, а в использовании революционного подъема пролетариата — для «толкания влево» либеральной буржуазии. Цель этого «толкания» — «заставить» либеральную буржуазию, против ее воли, повести решительную борьбу против самодержавия и добиться «приличной» конституции. По мысли меньшевиков, пролетариат вокруг этой возни с либеральным движением должен был обрести классовое сознание и добиться, как выражались меньшевики, «революционного самоуправления».

Три четверти статей «Новой искры» посвящены вопросам либерального движения и поведения либералов. Ставка была не на пролетариат и его революционную организацию, а на либералов. Роль пролетариата — это была роль «толкача».

Приведем некоторые наиболее яркие меньшевистские высказывания.

«Одновременно борясь со всеми другими классами и этой самой борьбой *толкая* (курсив наш) их вперед, пролетариат и стоящая во главе его социал-демократическая партия могут оказать могучую поддержку всякому революционному и оппозиционному движению других слоев общества», — пишет самый махровый меньшевик господин Ф. Дан¹.

«Мы всегда стремились, — пишет он же, — создать своею деятельностью такое настроение в рабочем классе и народных массах вообще, которое заставило бы либералов, волей или неволей, признать, например, всеобщее и прочее избирательное право, заставило бы их, волей или неволей, *захотеть* принять это требование в свою программу»².

На этом же «принципе» толкания влево построен меньшевистский план «земской кампании», по которому рабочим рекомендовалось самочинно выступать со своими декларациями на земских

собраниях, при этом имелось в виду, что такие выступления заставят либералов «передвигаться влево». Опубликование «положения» о совещательной «булыгинской думе», предоставившего избирательное право только помещикам, купцам и небольшому числу кулаков, было сущим кладом для меньшевиков. Большевистской тактике бойкота этого гнусного балагана меньшевики противопоставляют участие социал-демократии в этой комедии и вовлечение пролетарских масс в избирательную агитационную кампанию в думу, в которой они лишены представительства. «Необходимо теперь же, — пишет тот же Дан, — в связи с предстоящими выборами в думу, развить самую широкую агитацию и заложить основы широкой рабочей партии... Для успеха борьбы мы теперь же должны начать готовить рабочие массы к активному и самостоятельному выступлению в связи с созывом государственной думы. От состава думы, от способа действий ее членов будет зависеть, насколько это выступление, направленное прежде всего против самодержавной бюрократии, будет направлено и против самой думы. Оно поддержит революционные шаги членов думы»¹.

Эта игра в квази-парламентаризм вуалируется меньшевиками «революционными» фразами. «Полулегальные, самовольно образующиеся *рабочие агитационные комитеты* должны быть образованы немедленно... Они должны звать все слои населения — городского и сельского — немедленно приступить к осуществлению этой идеи и одновременно с тем, как будут выбираться «законные» депутаты, выбирать своих собственных, действительных представителей»².

Мы не будем тут касаться, насколько была «реальна» тактика меньшевистских мудрецов. Отметим только, что булыгинская дума была опрокинута не «мудрой» тактикой меньшевиков, а всеобщей забастовкой революционного пролетариата в октябре 1905 г. Гораздо интереснее показать, как тот же господин Дан рисует «будущий строй». С благодушным обывателем он забывает в «вихре событий» задачи пролетариата, которые будто бы меньшевики защищали, и в таких розовых красках изображает будущую «демократическую Аркадию»: «Огромный исторический прыжок, — предается грезам господин Дан, — от абсолютизма к демократическому народовластию, который готовится сделать Россия. В спешной лихорадочной скачке забастовок, в страстном подъеме борьбы за человеческие права приспосаблиются миллионы народа к грядущим новым условиям жизни. Почти с головокружительной быстротой вчерашний российский обыватель, заспанный, нечесанный, неумытый, преобразуется в будущего господина свободной демократии... Но нарождение будущих граждан влечет за собой огромный и быстрый переворот во всех со-

¹ Цитировано по сборнику «За два года», т. I, стр. 44.

² Там же, стр. 406.

¹ Там же, стр. 363—364.

² Там же, стр. 363.

циально-экономических отношениях России. Пролетарий, работающий 8 часов; приказчик, отказывающийся от той «патриархальной» простоты отношений, которая на всю жизнь почти безвыходно приковывала его к прилавку и заставляла быть «на побегушках» у хозяина; прислуга, требующая отдельной комнаты, ограничения рабочего времени, вежливого обращения, освобождения от унижительных осмотров... ведь всех этих, на первый взгляд таких скромных, «серых» перемен достаточно для того, чтобы перевернуть весь наличный уклад современной России. Промышленное производство, торговля, домашняя жизнь — все это должно сразу европеизироваться или, вернее, принимая во внимание быстроту переворота, — американизироваться. Необычное расширение производства, оборудование его самыми усовершенствованными машинами — вот первое неизбежное следствие удовлетворения требования рабочих; полный переворот в торговле, концентрация ее, возникновение колоссальных торговых базаров — непременный спутник успешной борьбы приказчиков; преобразование всей домашней жизни, рост отелей, гостиниц, ресторанов, средств передвижения, уличной жизни — без всего этого немислимо «человеческое» существование прислуги. А все эти перемены в свою очередь влекут за собою самые грандиозные изменения¹.

Мы просим извинения у читателя, что заняли у него так много времени чтением меньшевистских «изречений». Но это чтение все же полезно для тех, кто хочет убедиться в том, что робкий, имеющий историческое оправдание, оппортунизм Группы «О. т.» перерос в пошлейший парламентский меньшевистский кретинизм, в *преклонение* перед буржуазной демократией, в позорный торг с либеральной буржуазией, в *полное* забвение интересов пролетариата и социализма. Этим меньшевизм, доведя оппортунистические тенденции Группы «О. т.» до полного завершения, стал на путь предательства.

Революция 1905 г. и эпоха реакции окончательно раскрыли *социал-реформистское* лицо меньшевизма; война и революция 1917 г. показали *социал-предательское* его лицо; эпоха Октябрьской революции сдвинула его в лагерь *социал-фашизма*.

Российский меньшевизм включился в оппортунистические колонны II Интернационала и вместе с ним проделал позорный путь предательства. Начало этого пути — едва заметные, робкие оппортунистические зигзаги Группы «О. т.». Его недалекий конец — позорная политическая смерть II Интернационала и международного меньшевизма от руки революционного пролетариата.

¹ Там же, стр. 298—299.